

Алиса Яснова

ШАНС НА РЕАЛЬНОСТЬ

фантастико-мистический сборник

Алиса Яснова

Шанс на реальность

«Автор»

2026

Яснова А.

Шанс на реальность / А. Яснова — «Автор», 2026

Что, если смерть — не конец? Если ангелы действительно ходят рядом, выдуманный человек однажды может оказаться настоящим, а дорога в другой мир ведёт не прочь от собственной жизни, а к ней? Четыре истории Алисы Ясновой существуют на границе реальности и фантастики. Здесь вампир получает вечность и обнаруживает, что бессмертие не отменяет сожалений. Ангел-хранитель узнаёт, что судьба — не готовый маршрут, а всего лишь карта возможностей. Женщина, умеющая видеть варианты будущего, пытается понять, можно ли однажды придумать человека настолько точно, что он станет настоящим. А девушка, оказавшаяся между двумя мирами, должна решить, какой из них наконец сможет назвать домом. «Шанс на реальность» — фантастично-мистический сборник о любви, памяти и свободе выбора. О людях, которые ищут чудо, а находят себя. И о том, что даже там, где существуют магия, ангелы и другие миры, самый трудный выбор человеку всё равно приходится делать самому.

© Яснова А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Яснова

Шанс на реальность

АЛИСА ЯСНОВА

ШАНС НА РЕАЛЬНОСТЬ

сборник фантастико-мистических повестей

СОДЕРЖАНИЕ

Привычка умирать

2

Обними меня крыльями

33

Шанс на реальность

71

Я пришла к тебе навсегда

113

ПРИВЫЧКА УМИРАТЬ

I. НОЧЬ — МОЯ ЖИЗНЬ

Ночью город принадлежит тем, кого днём предпочитают не замечать.

Бездомным.

Таксистам.

Влюблённым.

Пьяным.

Собакам.

И мне.

После полуночи люди становятся беспечнее. Наверное, темнота создаёт иллюзию, что всё происходящее в ней понарошку.

Можно поцеловать незнакомца.

Можно позвонить тому, кому обещала больше не звонить.

Можно сказать правду.

Можно умереть.

К утру всё должно исчезнуть.

Кроме смерти.

Смерть вообще отличается дурным характером.

Она не умеет заканчивать истории вовремя.

Я знаю.

Я уже умирала.

Мальчик идёт через парк один.

Именно мальчик, хотя ему, наверное, лет двадцать пять.

После смерти все живые кажутся очень молодыми.

Наушники.

Телефон в руке.
Капюшон.
Быстрый шаг.
Не боится.
Правильно.
Меня трудно бояться, пока не увидишь.
Я стою между двумя деревьями.
Чёрное пальто.
Чёрные волосы.
Бледное лицо.
Очень кинематографично.
Когда-то я представляла вампиров иначе.
Склепы.
Свечи.
Красный бархат.
Тяжёлые перстни.

На практике вечная жизнь довольно быстро приводит к удобной обуви, плотным шторам и пониманию всех преимуществ круглосуточных магазинов.

Я смотрю на него.
Сегодня мне нужно совсем немного.
Столько, чтобы утром он проснулся с головной болью и решил, что вчера перебрал.
Убивать я давно перестала.
Смешно.
Когда-то называла себя ангелом смерти.
Теперь занимаюсь чем-то вроде вампирской диетологии.
Мальчик останавливается.
Поворачивает голову.
Почувствовал.
Они всегда чувствуют.
Не меня.
Зов.
Тонкую нить между нами.
Я ещё могу её оборвать.
Позволить ему уйти.
Не позволяю.
Сегодня я слишком голодна.
Он делает шаг в мою сторону.
Ещё один.
Телефон опускается.
Музыка продолжает играть в наушниках.
Женский голос поёт о любви.
Разумеется.
О чём ещё петь ночью в пустом парке.
Я выхожу из тени.
— Привет.
Он смотрит на меня.
Так всегда происходит.
Сначала удивление.
Потом интерес.

Потом взгляд становится чуть рассеянным.
Раньше мне нравилось смотреть людям в глаза перед тем, как брать у них кровь.
Теперь нет.
Кровь хранит слишком много.
Я обхожу его.
Встаю за спиной.
— Не бойся.
— Я не боюсь.
Конечно.
Он наклоняет голову, даже не понимая зачем.
Я отодвигаю воротник.
Под пальцами тёплая кожа.
Пульс.
Жизнь всегда выдаёт себя этим движением.
Тук.
Тук.
Тук.
Такое простое чудо.
Когда оно у тебя есть, совершенно не ценишь.
Я наклоняюсь.
И чувствую запах.
Не его.
Другой.
Давно забытый.
Тёплый.
Чуть горький.
Мальчик вдруг поворачивается.
Я вижу глаза.
Серые.
У Алексея тоже были серые.

— Не смотри на меня!
Он отшатывается.
Очарование рвётся.
— Что?..
Но меня уже нет.
Деревья.
Фонари.
Дорожка.
Чёрные окна домов.
Я бегу.
Можно было стать туманом.
Можно кошкой.
Можно птицей, хотя птиц я не люблю.
Но сейчас хочется ног.
Чтобы земля била в ступни.
Чтобы ветер резал лицо.
Чтобы хотя бы несколько минут казалось, будто от себя действительно можно убежать.
Нельзя.

За мной бежит имя.
Алексей.
Алексей.
Алексей.
Чем быстрее я бегу, тем громче оно становится.

Последнюю неделю мне снится река.
Хотя вампирам не положены сны.
Нам вообще много чего не положено.
Сны.
Солнце.
Тёплая кожа.
Нормальная жизнь.
Но река приходит каждое утро.
Серая вода.
Рваные льдины.
На другом берегу стоит Алексей.
Живой.
Всегда живой.
Светлые волосы.
Руки в карманах.
Та самая чуть виноватая улыбка.
Я знаю: если доберусь до него, всё закончится.
Что именно — не понимаю.
Наверное, вечность.
Я вхожу в воду.
Во сне я снова человек, поэтому холод причиняет боль.
Течение сбивает с ног.
Льдины ударяют по телу.
— Лёша!
Он не слышит.
— Лёша!
Улыбается.
Я иду дальше.
Вода уже по грудь.
По горло.
Потом течение подхватывает меня.
Я пытаюсь плыть.
Перед глазами его лицо.
Над головой сходится лёд.
И я просыпаюсь.
Иногда мне кажется, что главное наказание бессмертия не в том, что оно бесконечно.
А в том, что тебе навсегда оставляют память о том, каким было быть живым.

Когда-то меня звали просто Лера.
У меня была работа.
Друзья.
Кофейная чашка с отколотой ручкой.
Любимая книга.

Мама, которая звонила слишком часто.
Отец, который звонил слишком редко.
И Алексей.
Потом всё начало рушиться.
Не в один день.
Так бывает только в плохих романах.
Настоящая жизнь разваливается постепенно.
Сначала трещина.
Потом ещё одна.
Кто-то умирает.
Кто-то предаёт.
Кто-то просто перестаёт звонить.
Работу теряешь.
Деньги заканчиваются.
Просыпаешься утром и не можешь придумать ни одной причины встать.
Каждое отдельное событие можно пережить.
Страшно становится, когда они собираются вместе.
Алексей ушёл последним.
Почему-то именно его уход оказался тем маленьким камнем, после которого обвалилась
вся гора.
Сейчас я знаю: дело было не только в нём.
Тогда не знала.
Тогда казалось, что боль имеет одно имя.
Я решила умереть.
Спокойно.
Без истерики.
Даже удивительно спокойно.
Оставила запись в дневнике.
Три слова.
«Я люблю тебя».
Потом подумала, что это несправедливо.
После моей смерти все решат, будто виноват Алексей.
Я не хотела.
На остатках сил добралась до окна.
Выбросила дневник.
Даже умирая, я прежде всего заботилась о том, какую версию истории прочитают окружающие.
Потом стало темно.
Я решила, что всё закончилось.
Ошиблась.

Собственные похороны я видела.
Не рекомендую.
Мама.
Отец.
Несколько знакомых.
Мамины подруги.
Люди смотрели на моё лицо и повторяли:
— Такая молодая.

Будто молодость была дополнительным оскорблением.
Я стояла рядом с гробом.
Пыталась взять маму за руку.
Моя ладонь проходила сквозь её пальцы.
Кричала.
Никто не слышал.
Сначала это кажется невозможным.
Потом унижительным.
А потом понимаешь.
Вот она, смерть.
Не тоннель.
Не свет.
Не встреча с давно умершей бабушкой.
Ты просто перестаёшь быть участником.
Мир продолжается.
А тебя в нём больше не учитывают.
На могилу положили один нарцисс.
Я всегда ненавидела нарциссы.
Впрочем, покойников редко спрашивают.

Алексей приехал через три дня.
Я сидела возле могилы и смотрела, как дождь размывает свежую землю.
Он появился с лилиями.
Белыми.
Моими любимыми.
Сначала я его даже не узнала.
Слишком худой.
Небритый.
Он подошёл.
Увидел фотографию.
И сел прямо на мокрую землю.
— Не успел.
Вот и всё.
Не огромная речь.
Не признание.
Два слова.
— Не успел, любимая.
Я бросилась к нему.
Обнимала.
Целовала лицо.
— Я здесь.
Мои руки проходили сквозь него.
— Лёша, я здесь!
Он плакал.
Я никогда раньше не видела его плачущим.
— Я вернулся.
— Я вижу.
— Прости.
— Прости меня.

— Я не знал.

— Я тоже.

Наверное, именно тогда я впервые по-настоящему поняла, что сделала.

Не когда умирала.

Не на похоронах.

На мокром кладбище.

Когда человек, которого я назначила причиной своей смерти, сидел возле моей могилы и просил прощения за то, чего не совершал.

Мне захотелось назад.

До физической боли, которой у меня уже не было.

Назад.

В квартиру с неоплаченными счетами.

К маме с её звонками.

На работу.

В дождь.

В утро.

В своё тело.

Даже в боль.

Особенно в боль.

Потому что боль означала бы, что я ещё жива и могу что-то изменить.

Но некоторые решения необратимы.

По крайней мере для людей.

— Хочешь жить?

Я не заметила, когда она появилась.

Женщина стояла возле соседней могилы.

Высокая.

Белое лицо.

Чёрные волосы.

Слишком красивые черты.

Глаза такие тёмные, будто в них не было зрачков.

— Вы меня видите?

Она улыбнулась.

— Конечно.

— Кто вы?

— Сейчас неважно.

Она посмотрела на Алексея.

Он поднялся.

Положил ладонь на мою фотографию.

— Я вернусь, — сказал он. — Слышишь? Вернусь сюда. Поставлю на окно свечу. Если ты где-то есть — приди на неё.

— Приду!

Я кричала.

— Обещаю!

Он ушёл.

Женщина снова спросила:

— Хочешь жить?

— Да.

— Даже если жизнь будет вечной?

— Да.
— Даже если за неё придётся платить чужой?
Я посмотрела вслед Алексею.
— Да.
— Даже если люди будут называть тебя чудовищем?
— Да.
Она подошла ближе.
— Даже если однажды сама с ними согласишься?
Тогда я ещё не поняла вопроса.
— Да.
Она протянула руку.
— Меня зовут Мэб.

Когда я снова открыла глаза, первое, что почувствовала, был голод.
Не тот голод, который я помнила.
Обычный живёт в животе.
Этот жил везде.
В горле.
В зубах.
В костях.
В мыслях.
Мэб сидела напротив.
Я слышала что-то внутри неё.
Не сердце.
Что-то медленное.
Древнее.
— Что со мной?
— Ты хотела жить.
— Это не жизнь.
— А что?
Я посмотрела в зеркало.
Увидела комнату.
Кресло.
Окно.
Мэб.
И пустое место там, где стояла я.
— Верни всё обратно.
Она засмеялась.
— Люди удивительны. Сначала требуют вечности. Потом предъявляют претензии к компектации.
— Что я?
— Голодна.
Она протянула запястье.
— Пей.
Я отшатнулась.
— Нет.
Голод ответил за меня.
Через мгновение я уже держала её руку.
Первый глоток был ужасен.

Второй — прекрасен.

После третьего я поняла, почему чудовища редко добровольно перестают быть чудовищами.

Я стала вампиром ради Алексея.

И не пришла к нему.

В этом вся я.

Сначала умереть из-за любви.

Потом воскреснуть ради любви.

А потом испугаться её настолько, чтобы снова спрятаться.

Я боялась его убить.

Поначалу голод был сильнее меня.

Первый человек умер случайно.

Второй тоже.

После третьего слово «случайно» стало звучать неприлично.

Я перестала считать.

Мэб учила меня.

Как выбирать.

Как звать.

Как брать кровь.

Как заставлять забыть.

Как уходить до рассвета.

Как существовать среди людей, не являясь одной из них.

Она называла нас детьми Ночи.

Мне нравилось.

Некоторое время.

Красивые слова очень помогают, когда не хочешь называть вещи настоящими именами.

Потом я научилась останавливаться.

Потом — брать совсем мало.

А однажды обнаружила ещё одно свойство крови.

В ней остаётся человек.

На несколько мгновений после первого глотка я вижу чужую жизнь.

Мать, которая ждёт дома.

Сломанный велосипед.

Первый поцелуй.

Запах бабушкиной кухни.

Ненависть к начальнику.

Страх старости.

Собака.

Море.

Ребёнок.

Любовь.

После этого убивать стало почти невозможно.

Трудно назвать человека «пищей», если только что видел, как в шесть лет он прятался под столом и ел сгущёнку из банки.

Я старалась не думать об Алексее.

Поэтому думала о нём постоянно.

Не знала, где он.

Уехал ли.
Женился.
Забыл.
Иногда приходила к его дому.
Стояла напротив.
Смотрела на окна.
Никогда не поднималась.
В квартире долго никто не жил.
Но там оставались вещи.
Книги.
Старая куртка.
Фотографии.
Его запах исчезал медленно.
Стены вообще умеют ждать дольше людей.
И вот сегодня, убегая от мальчика с серыми глазами, я снова оказалась здесь.
В его дворе.
Совершенно случайно.
Разумеется.
Самые важные поступки мы особенно любим называть случайными.
Я села на лавку.
До рассвета оставалось несколько часов.
Посмотрела на окно.
Тёмное.
Правильно.
Его нет.
Прошло слишком много времени.
Глупо было ждать.
Я уже отвернулась.
И увидела свет.
Маленький.
Тёплый.
Пламя свечи.

II. СВЕЧА

Сначала я решила, что показалось.
Закрыла глаза.
Открыла.
Свеча горела.
Я перестала дышать.
Хотя мне это давно не обязательно.
Хлопнула дверь подъезда.
Ветер донёс запах.
И вот тогда я поняла.
Он.
Некоторые запахи человек помнит даже после собственной смерти.

Подниматься по лестнице я не стала.
Туман проходит под дверью быстрее.
Через секунду я была в квартире.
Ничего не изменилось.

И изменилось всё.
Другие книги.
Новый компьютер.
Чужая куртка на стуле.
Но тот же стол.
Та же фотография моря.
Та же трещина на двери.
И свеча.
Я пошла дальше.
В спальне Алексей спал.
Живой.
Светлые волосы на подушке.
Рука под щекой.
Тихое посапывание.
Я забыла, что мёртвые не плачут нормально.
По щеке скользнула красная капля.
Исчезла, впитавшись в кожу.
Никогда не привыкну.
Я стояла у двери.
Просто смотрела.
Этого достаточно.
Увидела.
Жив.
Теперь уйти.
Я сделала шаг.
Потом вернулась.
Всего один раз прикоснуться.
Ничего ведь не изменится.
Так начинаются почти все катастрофы.

Я села рядом.
Провела рукой по волосам.
— Медвежонок.
Когда-то я называла его так.
Он не проснулся.
Я взяла его ладонь.
Тёплая.
Моя — ледяная.
Поднесла к губам.
Поцеловала.
И почувствовала кровь под кожей.
Голод мгновенно поднял голову.
Нет.
Я отпустила руку.
Встала.
До рассвета оставалось совсем немного.
Я дошла до двери.
И услышала:
— Котёнок?

Мир остановился.
Я не повернулась.
— Котёнок... это ты?
Его голос.
Живой.
Настоящий.
Страшнее серебра.
Я закрыла глаза.
— Тебе снится.
За спиной зашуршало одеяло.
— Не уходи.
— Спи.
— Повернись.
Я не могла.
Тогда он подошёл сам.
Коснулся плеча.
Вздрогнул.
— Господи, какая ты холодная.
Я рассмеялась.
Получилось плохо.
— Есть немного.
Он обошёл меня.
Посмотрел в лицо.
Сначала радость.
Потом растерянность.
Потом понимание, что перед ним что-то невозможное.
Я ждала страха.
Алексей протянул руку.
— Ты всё-таки пришла.
— Не надо.
— Я знал.
— Лёша...
Он обнял меня.
И я чуть не закричала.
Сердце.
Его сердце билось рядом с моим лицом.
Тук.
Тук.
Тук.
Живое.
Кровь.
Тепло.
Голод.
Любовь.
Всё сразу.
— Отпусти.
— Не отпущу.
— Ты не понимаешь.
— Потом объяснишь.

— Алексей.

— Я ждал тебя.

Иногда одно предложение опаснее открытой вены.

Я перестала сопротивляться.

На одну секунду.

Всего на одну.

Обняла его.

Уткнулась лицом в плечо.

Запах.

Дом.

Жизнь.

Человек, ради которого я однажды умерла.

Человек, ради которого согласилась вернуться.

— Прости, — прошептал он.

— За что?

— Я приехал слишком поздно.

— Нет.

Я отстранилась.

— Это я сделала.

Он хотел возразить.

— Не ты.

— Я.

Впервые произнести это оказалось труднее, чем умереть.

— Ты ушёл. Мне было больно. Очень. Но умерла я сама.

— Лера...

— Не забирай у меня эту ответственность. Я слишком долго раздавала её другим.

Он зажёл свет.

Посмотрел внимательнее.

— Что с тобой произошло?

— Ты уверен, что хочешь знать?

— Я несколько лет разговаривал с фотографией на кладбище, а потом поставил свечу для мёртвой девушки. Думаю, предел странного уже пройден.

Я улыбнулась.

— Логично.

Рассказ занял меньше времени, чем моя смерть.

Так бывает.

Самые страшные годы легко помещаются в несколько предложений.

Я умерла.

Осталась здесь.

Встретила Мэб.

Вернулась.

Стала такой.

Он долго молчал.

— Скажи хоть что-нибудь.

— Ты пьёшь кровь?

— Вот поэтому я не хотела рассказывать.

— Настоящую?

— Нет, томатный сок. Конечно настоящую.

Он неожиданно рассмеялся.

Я уставилась на него.

— Ты смеёшься?

— Прости.

— Я вампир.

— Я понял.

— И тебя это веселит?

Он закрыл лицо руками.

— Лер, ты умерла. Я тебя похоронил. Несколько лет разговаривал с могилой. Вернулся сюда и поставил свечу, потому что однажды пообещал это призраку, которого даже не видел. А теперь этот призрак сидит на моей кровати и возмущается, что я недостаточно адекватно реагирую на вампиризм.

Я тоже засмеялась.

Впервые за очень долгое время.

За окном начинало сереть.

— Чёрт.

Я вскочила.

— Что?

— Рассвет.

Алексей понял моментально.

Фильмы ужасов всё-таки иногда полезны.

Он бросился к окнам.

Закрыв жалюзи.

Задёрнул шторы.

Заткнул щель под дверью.

Проверил ещё раз.

— Так?

— Кажется.

Он посмотрел на меня.

— Останься.

— Лёша...

— Хотя бы сегодня.

Глупость.

Огромная.

Непростительная.

Прекрасная.

— Хорошо.

Мы лежали рядом.

Я давно забыла, что значит находиться возле человека и не слушать его пульс.

Он рассказывал.

Я слушала.

Как вернулся.

Как искал.

Как приехал к моим родителям.

Как узнал.

Как потом приходил на могилу.

— Я видела тебя, — сказала я.

Он замолчал.

— Когда?

— Тогда.

— На кладбище?

— Да.

— Почему ты не...

И сам остановился.

— Я тогда ещё не могла.

Он отвернулся.

— Если бы я знал.

— Что?

— Что ты сделаешь.

— Ты не мог знать.

— Я бы приехал раньше.

— Возможно.

Я посмотрела в потолок.

— А возможно, через полгода мы бы расстались из-за грязной посуды.

Он улыбнулся.

— Ты никогда её не мыла.

— Вот видишь.

— Я мыл.

— Поэтому и любила.

Он лежал рядом.

Счастливый.

Я чувствовала это почти физически.

И впервые за много лет была счастлива сама.

Вот только счастье у вампира всегда пахнет кровью.

Алексей что-то рассказывал.

Прикусил губу.

Старая привычка.

Красная капля появилась раньше, чем он её почувствовал.

В комнате исчезло всё.

Осталась только она.

На его губе.

Красная.

Живая.

Голод пришёл мгновенно.

Зверь.

Так я называла его все эти годы, чтобы не говорить «я».

— Лера?

— Ничего.

Я отвернулась.

Поздно.

Запах уже был внутри.

По горлу прошла боль.

Клыки.

— Не подходи.

Он сел.

— Что случилось?
— Вытри кровь.
Он провёл пальцем по губе.
Посмотрел.
Понял.
Я отодвинулась.
— Уйди.
Вместо этого он подошёл ближе.
Совершенно в своём стиле.
— Сделай меня таким.
Мне показалось, что я ослышалась.
— Что?
— Как ты.
— Нет.
— Ты можешь?
— Нет.
— Но Мэб...
— Я не Мэб.
— Значит, это возможно.
— Алексей.
Он взял меня за руки.
— Тогда мы будем вместе.
Вот она.
Главная человеческая глупость.
Едва человек получает невозможное чудо, он немедленно требует продолжения.
— Навсегда, — сказал он.
Когда-то именно этого слова я хотела больше всего.
Навсегда.
Какая чудовищная вещь, если подумать.

— Я не хочу тебе навсегда.
Он растерялся.
— Что?
— Не такого.
— Но ты же живёшь.
— Нет.
— Ты здесь.
— Это не одно и то же.
Я вырвала руки.
Запах крови становился сильнее.
— Отойди.
— Нет.
— Пожалуйста.
— Я тебя не оставлю.
— Я могу тебя убить!
Тишина.
Наконец.
Он смотрел на меня.
Я видела пульс на его шее.

Тук.
Тук.
Тук.
И ненавидела себя за то, что считала удары.
— Я не боюсь.
— А надо.
— Тогда укуси.
Я закрыла глаза.
— Замолчи.
— Если после этого мы будем вместе...
— Замолчи!
Он обнял меня.
И последняя тонкая нить внутри оборвалась.

III. РАССВЕТ

Дальше всё произошло слишком быстро.
Его шея.
Моя рука на затылке.
Запах.
Голод.
Где-то далеко я ещё слышала собственный голос.
Нет.
Нет.
Нет.
Но тело уже не слушало.
Клыки коснулись кожи.
Алексей не сопротивлялся.
Наоборот.
Прижал меня ближе.
И это оказалось страшнее всего.
Он доверял.
Мне.
Я почувствовала первую каплю.
И вместе с ней — его.
Мальчик пяти лет тащит домой бездомного котёнка.
Подросток впервые целует девочку возле школьного стадиона.
Мы вдвоём на море.
Мой смех.
Наша последняя ссора.
Его билет обратно.
Поезд.
Телефон, который не отвечает.
Моя могила.
Лилии.
Каждый год.
Свеча.
Эта ночь.
Я увидела себя его глазами.
Не причиной.
Не трагедией.

Не призраком.
Любимой.
До сих пор.
И поняла, что сейчас его убью.

Нет.
В первый раз я уже сделала это с человеком, который меня любил.
Тогда убила себя.
Теперь собиралась убить его.
Очень последовательная история.
Я оттолкнула Алексея.
Так сильно, что он упал на кровать.
— Лера!
Я бросилась к окну.
— Нет!
Он понял.
Схватил меня.
— Не смей!
Я была сильнее.
Намного.
— Прости.
— Мы что-нибудь придумаем!
Вот за это я его и любила.
За человеческую уверенность, что всегда существует ещё один вариант.
Иногда существует.
А иногда времени нет.
Зверь снова поднимался.
Я уже чувствовала его кровь на языке.
Ещё несколько секунд — и вернусь к нему.
— Прости.
Я поцеловала его.
Последний раз.
Потом оттолкнула.
Сорвала шторы.
Открыла окно.
В комнату вошло утро.

Я забыла, каким бывает мир днём.
Голубое небо.
Белые облака.
Зелёные листья.
Смешно.
Столько лет я считала ночь красивее.
Просто забыла цвета.
Солнце коснулось руки.
Сначала тепло.
Потом свет.
Я слышала крик.
— Лера!

Тело стало лёгким.
Очень.
Будто меня наконец отпустили.
Алексей пытался дотянуться.
Нельзя.
Ещё немного — и полезет следом.
— Стой!
Голос почти исчез.
— Я люблю тебя!
Он плакал.
Опять.
Как тогда возле могилы.
Только сейчас я могла ответить.
— Я знаю.
Потом поняла, что этого мало.
— И я тебя.
Солнце было повсюду.
Я закрыла глаза.
В первый раз я умерла, потому что хотела, чтобы перестало болеть.
Чтобы исчезло всё.
Люди.
Страх.
Одиночество.
Я сама.
Я назвала это любовью, потому что так было красивее.
На самом деле я просто не знала, как остаться.
Теперь боль никуда не исчезала.
Его.
Моя.
Наша.
Но впервые я не пыталась от неё убежать.
Наверное, умирать действительно стало моей привычкой.
Я почти рассмеялась.
Нет.
Не умирать.
Уходить.
Вот в чём была привычка.
Уходить, когда становилось слишком больно.
В этот раз всё было иначе.
Последнее, что я услышала, был его голос.
Последнее, что увидела, — голубое небо.
Последнее, что почувствовала, — солнце.
А потом меня не стало.
И впервые за две смерти я не пожалела.

ОБНИМИ МЕНЯ КРЫЛЬЯМИ

Мечтать нужно только о том, что действительно хочешь получить.

I. НЕБЕСНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

У ангелов-хранителей существует отдел кадров.
Это первое, чего люди совершенно не понимают о рае.
Второе — здесь никто не сидит на облаках с арфой.
Арфы выдают только хору.
И то под расписку.

Всё остальное устроено примерно как в любой крупной государственной организации: длинные коридоры, кабинеты, инструкции, личные дела, начальство, которое никогда не уходит в отпуск, и сотрудники, которые мечтают только об одном — чтобы начальство хотя бы ненадолго перестало придумывать новые формы отчётности.

Я работал хранителем сто восемьдесят семь лет.
Первые двадцать мне нравилось.
Потом привык.
Работа как работа.
Тебе выдают человека.
Новорождённого.
Папку.
И карту.
Не судьбу.
Именно карту.
На ней обозначены несколько мест, куда человеку желательно когда-нибудь попасть.
Встречи.
Потери.
Решения.
Люди.
Иногда любовь.
Иногда смерть.
Маршрут между ними душа прокладывает сама.
В этом и состоит главная проблема.
Души вообще отвратительно относятся к навигации.
Поворачивают не туда.
Влюбляются не в тех.
Уезжают в другой город за три дня до судьбоносной встречи.
Отказываются от хорошей работы.
Соглашаются на плохую.
Выходят замуж из жалости.
Разводятся из гордости.
Прыгают с мостов за несколько часов до события, после которого всё могло измениться.
А виноват потом хранитель.
Почему контрольная точка не пройдена?
Почему не вмешались?
Почему допустили?
Пиши объяснительную.
Получай выговор.
Лишайся премии.
В особо тяжёлых случаях могут отменить выходной в Пекле.
Да.
В аду прекрасные курорты.
У них геотермальные источники.
А вы как думали?

* * *

Мой отпуск должен был начаться на следующее утро.

Две недели.

Четырнадцать прекрасных дней без человечества.

Я уже забронировал номер на берегу лавового озера, обменял дежурства и купил крем от солнечных ожогов.

Не спрашивайте.

В пять вечера на мониторе появилось сообщение:

ЮСТАС. НЕМЕДЛЕННО КО МНЕ.

От Михаила Архангеловича.

Я посмотрел на чемодан.

Потом на монитор.

Потом снова на чемодан.

Опыт подсказывал: когда начальник пишет «немедленно», отпуск начинает медленно удаляться к горизонту.

* * *

Михаил Архангелович был старым ангелом.

Не в человеческом смысле.

У нас возраст вообще плохо сочетается с лицом.

Он выглядел лет на шестьдесят, хотя лично присутствовал при событиях, которые теперь преподавали в школах как древнюю историю.

Крылья у него были почти седые.

Когда-то белые.

Теперь перья отливали серебром и серым.

Я подозревал, что дело не в возрасте, а в работе с персоналом.

На носу очки.

Голова совершенно лысая.

По отделу уже лет сто ходила шутка: хорошо, что нимб крепится не за волосы.

Михаил Архангелович поднял глаза.

— Юстас.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Поэтому отвечаю заранее.

Он подвинул ко мне папку.

— Отпуск придётся перенести.

Я молча посмотрел на потолок.

Бог в такие моменты предпочитал не вмешиваться.

— Человек остался без хранителя.

— Почему?

— Предыдущий в больнице.

Я посмотрел на папку.

— Несчастный случай?

— Нервный срыв.

Вот теперь стало интересно.

Довести до нервного срыва ангела-хранителя непросто.

Мы всё-таки работаем с человечеством.

У нас соответствующая подготовка.

— Что она делала?

— Жила.

— Уже страшно.
— Забирай.
— Михаил Архангелович...
— Единственный свободный — ты.
— Я не свободный. Я в отпуске.
— Теперь свободный.
И улыбнулся.
У начальства совершенно особое чувство юмора.
* * *

С фотографии на обложке смотрела девушка.
Серые глаза.
Русые волосы.
Неровная чёлка.
АРСЕНЬЕВА МАРИНА ВИТАЛЬЕВНА.
Двадцать два года.
Высшее образование.
Работа есть.
Судимостей нет.
Серьёзных заболеваний нет.
Две неудачные любви.
Несколько влюблённостей.
Пишет рассказы, но почти никому не показывает.
Работает не там, где хотела.
Училась не совсем тому, чему хотела.
Живёт примерно так же.
Я листал дальше.
И остановился.

Воплощение: вне очереди.

— Ох.
Это многое объясняло.
Иногда душа попадает на землю раньше подготовки.
Редко.
Сбой системы.
Ангельская забастовка.
Чрезвычайное происшествие.

Или просто кто-то наверху нажал не ту кнопку и потом тысячу лет делает вид, что так и было задумано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.